

Т. Райтвийр

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ЭСТОНИИ

Райтвийр Гийна — научный сотрудник Института международных и социальных исследований Академии наук Эстонии.

Этническая проблема в Эстонии весьма многогранна. Мы сосредоточимся на двух ее аспектах: какой характер носит эстонско-русский конфликт — чисто этнический или главным образом политический; и насколько острым и взрывоопасным он является.

В качестве источников информации использовались результаты шести выборов и двух референдумов, прошедших в 1989-1993 годах, а также данные двух опросов. Первый проводился Центром общественного мнения АО "ЕМОг" при участии автора во время и сразу после референдума в июне 1992 года. Опрошено 1200 избирателей — граждан Эстонии (в основном эстонцев). Второй — "Эстония-93: работа, семья и свободное время" проводился Институтом философии, социологии и права АН Эстонии с ноября 1992 по март 1993 года. На письменную анкету ответили около 200 человек.

Среди вопросов, вынесенных на референдум о конституции (28 июня 1992 года), был и такой: можно ли тем негражданам, кто подал ходатайство о получении эстонского гражданства до 5 июня 1992 года¹, предоставить право участвовать в выборах парламента и президента осенью 1992 года. "Да" ответили 46,1%, "нет" — 53,0% респондентов. При этом большинство (75%) поддержавших составили граждане-неэстонцы. По различным демографическим и социально-профессиональным группам положительный ответ чаще давали женщины, лица старше 50 лет, люди с высшим образованием, руководители и пенсионеры, жители сел, периферийной экономической зоны и северо-восточных районов. Наименее толерантными были мужчины, молодежь (18-24 года), те, кому от 30 до 39 лет, частные предприниматели, домохозяйки и безработные (особенно таллинцы и тартусцы), а также жители центральной территориальной и экономической зоны республики.

Чем мотивировали опрошенные свою точку зрения? Среди ответивших "да" не смогли объяснить, почему они поддерживают неграждан, 28%. Остальные руководствовались тем, что "это справедливо" (32%), что в числе неграждан "много эстонцев и представителей других финно-угорских народов" (8%), что "это будет способствовать миру и спокойствию у нас дома" (6%), "послужит демократии" (2%) и т.д.

Из тех, кто ответил на упомянутый вопрос "нет", 19% не назвали никакого мотива. По мнению 25% респондентов, право участвовать в выборах должны иметь только граждане, 19% считают, что неграждане в будущем непременно получат такую возможность, а сейчас они не в курсе особенностей Эстонии. К тому же сначала страну должны покинуть иностранные войска. 10% — просто против безо всяких объяснений, 7% уверены, что ходатайствующие о гражданстве хотят голосовать только по корыстным соображениям и из-за личной выгоды, 3% — выразили опасение, что таких людей больше, чем сообщили перед референдумом, 3% опрошенных объяснили свою позицию заботой о судьбе эстонского народа и эстонского языка. В целом летом 1992 года отношение граждан к негражданам носило не агрессивный или расистский, а, скорее, осторожно-холодный характер.

Приведем некоторые результаты опроса "Эстония-93". 43% эстонцев и 37% эстонок

¹ Незадолго до референдума стало известно, что таких людей всего 5017, причем большинство из них эстонцы.

признали, что у них есть хорошие друзья среди лиц других национальностей. Так же ответили 35% мужчин и 82% неэстонского происхождения. Вместе с тем 40% представителей обоего пола эстонцев и только 2% неэстонцев заявили о желании работать в мононациональном коллективе. Примечательно, что соответственно около 50% тех и 7% других на самом деле так и работают. Люди, как известно социологам, в своих оценках и установках исходят именно из реальной ситуации. Видимо, по этой причине 51 % эстонцев хотели бы жить в мононациональных домах и 35% — в такого же рода кварталах (среди неэстонцев подобное желание выразили соответственно 5 и 1,5%).

На вопрос "Как вы отнесетесь к тому, если кто-то из ваших близких (сын, дочь, сестра, брат) захочет вступить в брак с человеком другой национальности?" 45% эстонцев ответили, что для них национальность не имеет значения, 34% признали: "трудно сказать, зависит и от национальности", а 20% не стали скрывать, что были бы против. Распределение ответов среди неэстонцев следующее: 86% — "не имеет значения", 11% — "трудно сказать, зависит и от национальности" и 0,5% — "был бы против".

Испытывают ли неэстонцы больший стресс, чем эстонцы? Данные некоторых исследований свидетельствуют, что это так. Аналогичные результаты получили и мы в опросе "Эстония-93". Неэстонцы, особенно женщины, судя по их ответам, чаще страдают от головной боли, переутомления, нарушения сна, испытывают тоску, раздражение. В то же время у эстонцев чаще возникают мысли о самоубийстве.

И все же полной уверенности в том, что неэстонцы действительно страдают от стрессов в большей мере, нет. Может быть, русские и другие славяне просто эмоциональнее? Во всяком случае, как показал наш опрос, такие ценности, как здоровье, дети, работа, семья, любовь и т.д. неэстонцы считают для себя более важными, чем эстонцы.

На наш взгляд, эстонцы и русские в эмоционально-психологическом отношении трудно сравнимые этносы. Но в одном они похожи: среди многих острых проблем сегодняшней Эстонии проблема межнациональных отношений и для тех, и для других не самая главная. У эстонцев она стоит на последнем, 14-ом месте, а у неэстонцев — на 12-ом. Первостепенное значение представители обоих народов придают росту преступности и резкому ухудшению материального положения.

Может быть, русские в Эстонии живут в худших экономических условиях? Судя по данным и статистики и опросов населения, квартирные удобства у неэстонцев гораздо лучше, чем у эстонцев. Последние чаще живут на хуторах и в городах в собственных домах, причем нередко в старых и без удобств. Русские — преимущественно горожане, проживающие в кварталах многоэтажных квартирных домов. Доход у неэстонцев обычно выше, чем у эстонцев. По данным исследователей рынка из Тартуского университета, летом 1993 года у таллинских неэстонцев доход на одного человека составлял 538, у эстонцев — 528, а у неэстонцев северо-востока, где высок уровень безработицы — 401 эстонскую крону

Безработица распространена как среди эстонцев в юго-восточных сельских районах, так и среди неэстонцев — жителей крупных городов, которые прежде работали на военных заводах-гигантах. Подобные предприятия не имеют будущего, их нужно реорганизовать и приватизировать, а для этого потребуется время.

В октябре 1993 года уровень безработицы среди эстонцев и неэстонцев был примерно одинаковым. В целом же, соответствующий показатель, по сравнению с соседними странами, особенно Финляндией, ниже. По официальным данным, он составляет около 2% трудоспособного населения, а с учетом так называемой скрытой безработицы, — до 10%.

Как свидетельствуют результаты опроса "Эстония-93", удовлетворенность отдельными сферами повседневной жизни у неэстонцев обычно выше. Они вполне и в большей мере, нежели эстонцы, удовлетворены жилищными условиями, окрестностью вокруг дома, здоровьем (мужчины), отношениями в семье и в одинаковой мере с

эстонцами — экономическим положением, досугом. Обобщающий показатель удовлетворенности жизнью следующий: вполне и в основном удовлетворены 33,9% эстонцев, 33,6% эстонок, 34,8% неэстонцев и 36,7% — неэстонок. Как видим, представители других национальностей даже в нынешней напряженной ситуации не чувствуют себя слишком неуютно.

Это подтверждают и данные нашего опроса о намерении переменить место жительства. 93% эстонцев и 94,3% эстонок, 88,6% неэстонских мужчин и 93,5% неэстонских женщин в ближайшее время не намерены покинуть республику. Иначе говоря, надеяться на то, что русские возвратятся в Россию, нереально, они уже начали адаптироваться к новым условиям и чувствуют себя неплохо.

Зимой 1992-1993 годов имели гражданство Эстонии 9% мужчин и 19% женщин-неэстонцев, ходатайствовали об этом соответственно 23%

и 30%. 16% мужчин и 12% женщин неэстонского происхождения считали себя гражданами какого-либо государства (России, Украины), остальные — гражданами СССР или еще не знали, какое решение принять.

По данным упомянутого исследования Тартуского университета, среди неэстонцев летом 1993 года были гражданами Эстонии в Нарве — 12%, в Силламяэ — 15%, в Таллине — 22%, в Кохтла-Ярве — 26% жителей. Доля тех, кто не имел эстонского гражданства, но собирался подавать соответствующее ходатайство, в Силламяэ составила 42%, в Таллине — 53%. На вопрос: "Должны ли ваши дети иметь гражданство Эстонии?" "да" ответили 88% неэстонцев. Таким образом, налицо стремление представителей других национальностей адаптироваться к изменившимся политическим и экономическим условиям, что, вероятно, связано с повышением лояльности по отношению к ним государства и законов Эстонии.

Анализ информации, полученной в ходе выборов и референдумов, позволяет утверждать, что между эстонцами и русскими существует острый политический конфликт: преобладающее большинство первых поддерживает суверенитет Эстонии, тогда как большая часть вторых критически относится к нему или же не принимает вовсе. На наш взгляд, пока подобное отношение будет сохраняться, этот конфликт не удастся преодолеть. Между тем, доля тех, кто не поддерживает суверенитет Эстонии, в последнее время уменьшается. В основном в их число входят жители Таллина и Нарвы. В двух других "русских" городах северо-востока тяжесть конфликта перенесена из политической сферы в экономическую, что является признаком нормализации положения.

Данные социологических опросов свидетельствуют, что отношения между эстонцами и русскими в личностном плане, как правило, носят нейтральный или дружеский характер. Напряженными они становятся в политической плоскости, когда гражданин противостоит негражданину. Судьба этого конфликта, по нашему мнению, в первую очередь зависит от процесса демократизации в России и его влияния на установки эстонских русских.